

ПО ТУ СТОРОНУ «РАБОТЫ» И «ОТДЫХА»:
КЛАССИФИКАЦИОННАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
В КОММЕРЧЕСКОМ СОБИРАТЕЛЬСТВЕ
ДИКОРАСТУЩИХ ЯГОД В КАРЕЛИИ

Степан Игоревич Петряков

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

А н н о т а ц и я : Как современные российские работники, втянутые в механизмы рынка сезонной рабочей силы, концептуализируют труд и досуг? На материалах полевой работы среди сезонных сборщиков ягод в Карелии показано, как коммерческое собирательство, с помощью которого некоторые россияне зарабатывают на жизнь, ускользает из поля доступных для них определений: «работы» как занятости и «отдыха» как свободного от занятости времени. В статье предпринимается попытка выяснить, что выступает причиной подобной классификационной неопределенности (*indeterminacy*). Автор показывает, что ее истоки можно обнаружить не только в специфической организации отношений сезонного труда, но и в противопоставлении коммерческого собирательства «работе» и «отдыху» на основании иерархии переживаний трудовых отношений из прошлого и настоящего. В таком случае определение «работы» и «отдыха» почти всегда дается при помощи эмоционально окрашенных образов наемного труда. Подобные образы в статье связываются с тем, что можно было бы назвать способом переживания способа производства. Автор приходит к выводу, что дихотомия «работы» и «отдыха» превращается в инструмент вернакулярной критики, посредством которого работники осуществляют навигацию на рынке труда.

К л ю ч е в ы е с л о в а : антропология труда, неопределенность, работа и отдых, сезонный труд, коммерческое собирательство, Карелия.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-18-00238 «Земля храбрых»: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике»).

Д л я с с ы л о к : Петряков С. По ту сторону «работы» и «отдыха»: классификационная неопределенность в коммерческом собирательстве дикорастущих ягод в Карелии // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 53–78.

d o i : 10.31250/1815-8870-2024-20-61-53-78

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/petryakov.pdf>

BEYOND “RABOTA” AND “OTDYKH”:
INDETERMINACY IN THE WILD BERRY INDUSTRY IN KARELIA

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

Abstract: How do contemporary Russian workers, caught up in the mechanisms of the seasonal labor market, conceptualize work and leisure? Fieldwork among seasonal berry pickers in Karelia shows how commercial picking, through which some Russians make a living, escapes from the field of definitions available to them: “rabota” as employment and “otdykh” as time free from employment. The article attempts to find out what causes such classificational indeterminacy. The author shows how these causes are not only to be found in the specific organization of seasonal labor relations, but also the opposition of commercial picking to “rabota” and “otdykh” on the basis of the hierarchy of experiences of labor relations from the past and present. In such a case, the definition of “rabota” and “otdykh” is almost always defined through images of wage labor. Such images are linked in this article to what might be called a mode of perception of the mode of production. The author concludes that the dichotomy of “rabota” and “otdykh” becomes an instrument of vernacular critique through which workers navigate the labor market.

Key words: anthropology of labor, indeterminacy, work and leisure, seasonal labor, commercial picking, Karelia.

A c k n o w l e d g e m e n t s : The study was funded by the Russian Science Foundation — research project no. 22-18-00238 <<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>>.

T o c i t e : Petryakov S., ‘Po tu storonu “raboty” i “otdykha”’: klassifikatsionnaya neopredelennost v kommercheskom sobiratelstve dikorastushchikh yagod v Karelii [Beyond “Rabota” and “Otdykh”: Indeterminacy in the Wild Berry Industry in Karelia], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 53–78.

d o i : 10.31250/1815-8870-2024-20-61-53-78

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/petryakov.pdf>

Степан Петряков

По ту сторону «работы» и «отдыха»: классификационная неопределенность в коммерческом собирательстве дикорастущих ягод в Карелии

Как современные российские работники, втянутые в механизмы рынка сезонной рабочей силы, концептуализируют труд и досуг? На материалах полевой работы среди сезонных сборщиков ягод в Карелии показано, как коммерческое собирательство, с помощью которого некоторые россияне зарабатывают на жизнь, ускользает из поля доступных для них определений: «работы» как занятости и «отдыха» как свободного от занятости времени. В статье предпринимается попытка выяснить, что выступает причиной подобной классификационной неопределенности (*indeterminacy*). Автор показывает, что ее истоки можно обнаружить не только в специфической организации отношений сезонного труда, но и в противопоставлении коммерческого собирательства «работе» и «отдыху» на основании иерархии переживаний трудовых отношений из прошлого и настоящего. В таком случае определение «работы» и «отдыха» почти всегда дается при помощи эмоционально окрашенных образов наемного труда. Подобные образы в статье связываются с тем, что можно было бы назвать способом переживания способа производства. Автор приходит к выводу, что дихотомия «работы» и «отдыха» превращается в инструмент вернакулярной критики, посредством которого работники осуществляют навигацию на рынке труда.

Ключевые слова: антропология труда, неопределенность, работа и отдых, сезонный труд, коммерческое собирательство, Карелия.

Введение

Вероятно, есть некоторая закономерность в том, что с рассуждениями о хорошем способе одновременно не работать и не отдыхать я столкнулся, находясь на «окраинах капитализма» [Цзин 2017]. Тем более примечательно, что эти рассуждения звучали из уст человека, который не так давно уволился с крупного промышленного предприятия. С августа по сентябрь 2021 г. я проводил полевую работу в составе экипажа¹ сезонных сборщиков дикоросов, приехавших в Карелию из разных городов России в надежде заработать, собирая ягоды для крупного российского предприятия. Сергей², до этого работавший электриком на одном уральском заводе более десяти лет, был членом нашей команды.

Степан Игоревич Петряков

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
spetryakov@eu.spb.ru

¹ Экипажи — это команды сборщиков, которые ездят в лес в одном автомобиле. Количество человек в экипаже варьируется от четырех до девяти. Существуют экипажи «опытных» сборщиков, приезжающих в Карелию в течение нескольких сезонов подряд. Однако старожилы немногочисленны. Основная часть сезонных работников — это «новички», люди, которые отправляются в Карелию попытать «удачу на ягоде» в первый и нередко в последний раз.

² Имена информантов изменены. Я глубоко благодарен тем людям, с которыми мне удалось познакомиться и совместно жить и работать.

Мы пережидали дождь в салоне уазика-«буханки» посреди леса, когда Сергей рассказал мне, что здесь, на сезонных работах, он стал спать столько, сколько ему не удавалось на протяжении многих лет. Подложив под голову флисовую кофту, он улегся на заднее сиденье автомобиля и стал вспоминать о подъемах ранним утром после четырех-пятичасового сна и о том, что выспаться можно было лишь в выходные дни. Сергей с нетерпением ждал пятниц и ненавидел понедельники. Он рассказывал о долгой дороге до работы, пролегающей через индустриальные окраины уральского промышленного центра. Вид открывался на дымящиеся трубы, линии высоковольтных передач и железнодорожные пути, по которым шли поезда, груженные металлоломом. В этом рассказе противопоставлялись образы промышленных ландшафтов и наемного труда в индустриальной столице региона сбору ягод в лесу и крепкому сну на сезонных работах в Карелии. «Вроде не работа, но и отпуском не назовешь», — говорил он. Как и многие другие сборщики, Сергей видел в сезонном труде противоречие: он был свободен целый день ходить по лесу, собирая ягоды, но он не был свободен от необходимости зарабатывать на жизнь.

Как и Сергей, некоторые мои собеседники из числа тех, кто впервые приехал на сезонный сбор ягод, использовали противопоставление «работы» и «отдыха» в попытках объяснить, чем они занимаются и где находятся. Чтобы понять, что такое коммерческое собирательство, работники пропускали опыт столкновения с новым для себя способом зарабатывания на жизнь сквозь уже доступный набор идей и категорий, связанных с городским наемным трудом и сопутствующими ему ритмами повседневной жизни. Они делали это подобно тому, как в других странах и в другие времена рабочие пытались осмыслить природу капиталистических отношений, прибегая к имплицитному языку символических образов труда и работы [Comaroff, Comaroff 1987].

Мне ни разу не приходилось сталкиваться с тем, чтобы кто-то из сборщиков-новичков назвал коммерческий сбор ягод своей работой в значении занятости. Напротив, много раз я становился свидетелем противоречия: «работа-отдых», «и не работа, и отпуском нельзя назвать», «точно не работа, но и не отдых, конечно», — говорили собеседники. Подобного рода двусмысленность способствовала размышлениям работников об их месте в общей картине экономической жизни.

В статье показано, как сезонные работники, используя знакомый им набор категорий, оказывались в ситуации классификационной неопределенности, которая, во-первых, обусловлена нестандартной конфигурацией производственных отношений

(скрытый наемный труд), а во-вторых, провоцирует акты обидной критики экономического порядка посредством образов, связанных с ритмами городской наемной занятости.

Обилие трактовок неопределенности в исследовательской литературе заставляет сделать некоторые уточнения в отношении того, как этот термин используется здесь. В разных пространственно-временных контекстах, скорее в качестве метафоры, чем продуманного концепта, неопределенность (*uncertainty*) позволяла социальным ученым описать сочетание неполноты знания и непредсказуемости будущего [Cooper, Pratten 2015], аффективную оркестровку, которая оказывается объектом властных манипуляций [Tucker 2017], неспособность понять намерения действий [Berthomé et al. 2012] или непрозрачность мысли других людей [Robbins, Rumsey 2008], ситуацию краха политических режимов, которые некогда давали однозначные ответы на экзистенциальные вопросы [Bugawoy, Verdery 1999].

Мною предпринимается попытка исследовать неопределенность в первую очередь как проблему того, что не может быть включено в известные классификационные схемы, т.е. в значении *indeterminacy* [Alexander, Sanchez 2019]. Применительно к социальному опыту сезонных работников неопределенность как категория анализа позволяет описать социальную ситуацию, в которой некоторые конфигурации труда не поддаются классификации в доступных терминах («работа» или «отдых»). Классификационная неопределенность в статье провоцирует разговор о тех способах осмысления экономических отношений, которые практикуются сборщиками дикорастущих ягод. Меня будет интересовать, в силу каких обстоятельств сезонные работники не говорят о коммерческом сборе ягод как о «работе» или «отдыхе»? Что в таком случае для них означает «работать» и «отдыхать»?

Рассуждение в этом тексте двухчленно, поскольку я преследую тривиальную для марксистской антропологии цель соотнести системы значений и практик с «силовым полем», создаваемым капиталистическим способом производства [Wolf 1982: 387]¹. В первой части я даю эскиз материальных условий сезонного труда, которые не могут быть конкретизированы при помощи категорий «работы» или «отдыха». Так как обе эти категории не должны служить исходным допущением, во второй части

¹ Капитализм в статье определяется самым общим образом как «система производства и воспроизводства, в основании которой лежат особые социальные отношения между капиталом и трудом: капитал эксплуатирует труд в погоне за прибылью и накоплением, а труд вынужден работать на капитал, чтобы добыть средства к существованию» [Bernstein 2010: 1].

я анализирую способы их толкования моими информантами, втянутыми в механизмы рынка сезонной рабочей силы.

Труд и досуг

Как следует понимать вынесенную в главный вопрос статьи дихотомию? Британский социальный историк Эдвард Томпсон показал, что появление и распространение индустриального капитализма, наемного труда и временной дисциплины в XVIII в. кардинально изменило чувство восприятия и способы концептуализации времени [Thompson 1967]. Среди прочего он продемонстрировал, что разделение оплачиваемого времени работы и неоплачиваемого времени остальной жизни в отношениях найма стояло у истоков происхождения дихотомии труда и досуга [Ibid.: 67]¹.

Описанный Томпсоном хронопорядок в той или иной степени характерен для эпохи стабильной занятости в рамках индустриальных экономик XX в. Ключевой же особенностью глобальной политической экономики последних сорока лет, напротив, стало сокращение стабильно оплачиваемых рабочих мест, прекаризация найма, а также распространение фигуры «независимого работника»². Формирование такого рода «расщепленной занятости» [Корсани 2015] влекло за собой неопределенность в темпоральных категориях [Millar 2015b: 30]. Политические философы Майкл Хардт и Антонио Негри по этому поводу указывают: «Когда труд выходит за фабричные стены, становится все сложнее поддерживать фикцию существования меры рабочего дня, отделяя, таким образом, время производства от времени воспроизводства, то есть рабочее время от времени досуга» [Хардт, Негри 2004: 31]³.

Индустриальный капитализм предлагал набор устойчивых темпоральных различий, гендерных ролей и социальных ожиданий, напрямую связанных с регулярной оплачиваемой занятостью [Ferguson, Li 2018]. Напротив, демонтаж фордистско-кейнсианского компромисса между трудом и капиталом привел к появлению социальных экологий, основанных на сочетаниях

¹ Несмотря на последующую критику некоторых концептуальных допущений Томпсона [Ingold 1995; Glennie, Thrift 1996], его анализ связей между модальностями переживания и осмысления времени и экспансией капиталистического способа производства оказался в целом релевантен для множества контекстов [Millar 2015a; Коновалов 2019].

² С некоторыми оговорками подобные изменения в структуре труда характерны и для современной России, см.: [Павлов, Баринов 2023: 91–101].

³ Нужно оговориться, что «фабричные стены», о которых рассуждают Хардт и Негри, на протяжении всего XX в. были характерны лишь для рабочих (чаще всего мужчин) капиталистического ядра. Напротив, для многих жителей периферии и женщин промышленный наемный труд представлял собой скорее исключение, чем правило.

натурального хозяйства и мелкотоварного производства, сезонных миграций и временных контрактов, «копеечного капитализма» в неформальном секторе и работы «независимым подрядчиком» в звеньях транснациональных товарных цепочек. Подобные формы жизни подтолкнули к пересмотру многих оппозиций, сформировавшихся с ростом индустриальных экономик и современных государств: частное и публичное, производство и воспроизводство, мужское и женское, наконец, работа и отдых [Comaroff, Comaroff 2020: 100–102]. Грани между трудом и досугом при позднем капитализме оказались размыты, что в некоторых случаях породило тезис о колонизации досуга трудом или труда досугом [Хумарян и др. 2020: 18]. Тем не менее, как кажется, отбрасывать некоторые категории идеологического аппарата индустриального капитализма пока рано. Вместо этого имеет смысл сосредоточиться на их, если угодно, загробной жизни в производстве и воспроизводстве жизни действительной. Другими словами, следует рассмотреть «работу» и «отдых» как часть вернакуляра, посредством которого современные работники осмысливают экономические отношения.

Политическая экономия сезонного коммерческого собирательства

Метафора края или грани капитализма, все чаще употребляемая в отношении коммерческого собирательства [Цзин 2017; Foraging 2022], хоть и не бесспорно, но достаточно ярко описывает тот контекст, в который встроена подобная форма труда¹. В самом деле, утренняя дорога на работу на общественном транспорте здесь сменяется поездкой в пропахшем бензином салоне «буханки». Заработная плата обращается в испачканные ягодным соком купюры или не облагаемые налогами переводы на банковские карты. «Выходные», «рабочий график», «ставки», «смены» и другие элементы словаря наемной занятости присутствуют лишь в призрачных и искаженных формах. Край капитализма предполагает пространство, где если и не оказывается приостановлен аппарат эксплуатации, частной собственности и товарного фетишизма, то его господство по крайней мере не абсолютно.

Несмотря на это, рассуждения о якобы относительно изолированных от власти капитала пространствах обладают своими аналитическими (и политическими) рисками. По мнению антрополога Стивена Кэмпбелла, поскольку стандартные трудовые

¹ Вслед за Сюзанной Наротски под трудом (*labor*) я понимаю общие затраты человеческой энергии в отношении капитала [Narotzky 2018: 41(13)].

отношения слишком долго служили аксиомой капиталистической современности (см.: [Ferguson, Li 2018]), антропологи могут поспешно признать некапиталистическими те формы труда, которые пришли им на смену [Campbell 2022: 44]. Вместо этого, утверждает Кэмпбелл, необходимо исследовать капиталистический характер ненормативных конфигураций труда, ибо они и есть капитализм XXI в. в его реально существующих формах. Собственно, одной из таких форм можно считать сезонное коммерческое собирательство дикоросов, о котором идет речь в этой статье.

Каждый год с июля по ноябрь в Карелии дикорастущие ягоды и грибы собирают не только местные жители, но и приезжие сборщики на основе сдельной оплаты труда. Фирма «Лесная ягода»¹, поставщик сырья для пищевой промышленности в России и за рубежом, каждый год мобилизует сезонную рабочую силу. Несколько сотням приезжающих со всей России и стран СНГ сборщиков компания сдает в аренду автомобили и место в общежитии, предоставляет ведра и ручные комбайны для сбора ягод, а также создает необходимую инфраструктуру для приема дикоросов.

Кто готов собирать ягоды в лесу за деньги? Помимо сельских жителей, это приезжие мужчины и женщины из больших и малых российских городов в возрасте от 20 до 60 лет, которые прибывают в лагерь сборщиков, расположенный буквально посреди леса, в последние недели июля. В основном они узнают о такой возможности заработать благодаря объявлениям на сайтах для поиска работы. Чуть реже информация поступает от знакомого или родственника, который уже «побывал на ягоде» и заработал сумму, кратно превышающую размер средней заработной платы в своем регионе. Внимание большинства из потенциальных работников привлекает обещанный, но не гарантированный предприятием доход — вплоть до нескольких сотен тысяч рублей при условии поездки на весь сезон.

Что важнее для настоящих рассуждений, так это присущая многим сборщикам позиция, так сказать, фланера на рынке труда. Действительно, кто-то из них не так давно уволился с постоянной работы, кто-то перебивался более или менее случайными заработками в течение последних нескольких лет. Частая смена или сочетание разных источников заработка (помимо коммерческого собирательства в Карелии, в разные периоды года это могли быть сбор мандаринов в Абхазии, индивидуальное предпринимательство, работа мастером по ремонту квартир, разнорабочим, официанткой, водителем такси или курьером)

¹ Название изменено.

характерны едва ли не для всех людей, с которыми мне удалось познакомиться.

Заселяясь в скромного вида комнаты, работники подписывают так называемый договор закупки дикоросов. Согласно этой бумаге, единственное обязательство «Лесной ягоды» — это «покупать» у сборщика ягоды и грибы по рыночным ценам. Сборщику, напротив, под угрозой штрафа необходимо «продавать» собранное лишь на пункте приема, принадлежащем «Лесной ягоде». При наличии большого числа мелких скупщиков ягод, заполняющих обочины дорог и часто назначающих цены на дикоросы чуть выше, чем компания, подобная система отношений позволяет зафиксировать сезонных работников и их труд за «Лесной ягодой».

Так сборщики, подобно наемным работникам, оказываются искусственно привязаны к одному покупателю. Примечательно в этой связи, что среди собирателей распространен термин «сдать ягоду», вопреки тому, что формально речь идет о «закупке» ягод у работников. Подобные моносонические отношения в целом могут быть названы замаскированным наемным трудом [Harriss-White 2014: 982]. Именно поэтому, вероятно, многие сборщики с иронией относятся к характеристике сезонного коммерческого собирательства как возможности «не работать на дядю», отмечая, что «дядя» здесь все-таки присутствует, хоть отношения с ним и отличаются от условий стандартизированного наемного труда.

Ежедневное внесение арендной платы за койко-место и использование транспорта для поездок в лес — другая обязанность сезонного работника. Арендная плата автоматически вычитается из денег, которые собиратель зарабатывает на сдаче ягод. Сборщики нередко говорят, что полведра собранного урожая они отдают компании. Это значит, что около 700 рублей вычитается из ежедневного заработка. Следовательно, чтобы заработать хоть сколько-нибудь («выйти в плюс»), работнику необходимо собрать ягод на сумму, превышающую размер арендных выплат. Что же касается возможности «сделать выходной», то и она должна быть, так сказать, оплачена: в случае невыезда в лес и отсутствия сданных ягод сумма арендных платежей начинает накапливаться, в некоторых случаях превращаясь в долг. Все это особенно сильно «бьет по карману» сборщиков-новичков, зачастую оказавшихся в лесу впервые и на первых порах имеющих низкий доход.

Изучая фермерские хозяйства, выращивающие какао в горах Индонезии, Танья Ли называет схожую форму извлечения прибыли «рентным капитализмом», т.е. извлечением стоимости, не основанным на прямой продаже рабочей силы [Li 2014: 201,

note 17]. В этом отношении отнюдь не случайно среди собирателей циркулирует представление, следуя которому ягода, которую они собирают, компании может быть не нужна. Согласно этой точке зрения, фирме-поставщику достаточно лишь сдавать работникам в аренду жилье и транспорт, дабы получать прибыль.

Рабочий день

Как устроен рабочий день сезонных сборщиков? Перед тем как перейти к ответу на этот вопрос, я вынужден признаться в некоторой растерянности на уровне анализа и письма. Как этнографически репрезентировать процесс труда, в котором господствуют «молчаливые» рутины материального производства?

Эта проблема, по-видимому, носит более общий характер, поскольку труд и работа в целом по разным причинам были и остаются «слепым пятном» дисциплины [Hann 2021: 7–10]. Парадоксальным образом даже в рамках экономической антропологии последних сорока лет такие темы, как рынки, торговля и потребление, пользовались бóльшим спросом [Graeber 2011]. Оливия Харрис по этому поводу остроумно заметила, что смещение антропологического внимания с труда и производства на то, что производится и как оно циркулирует, было созвучно смене продуктивизма социалистического блока на гегемонию неолиберализма в масштабе всей глобальной политической экономики [Harris 2007: 156]. Так, вступая в полемику, можно предположить, что существенная часть сегодняшнего антропологического мейнстрима представляет собой широкий спектр этнографических исследований досуга, где в свободное от труда (неоплачиваемое) время индивиды и социальные группы представляют себя кем-то посредством выдуманных традиций и изоциренных практик потребления.

Здесь имеет смысл кое-что сказать о рабочих рутинах сезонных сборщиков. «Выезды» или «вылазки» в лес носят иррегулярный характер. У каждого экипажа существует свой ритм поездок в лес. Выезды за ягодой на протяжении восьми дней подряд могут смениться «отсыпным» выходным днем. Затем экипажем будет предпринята попытка сформировать шаткое подобие графика поездок, который, однако, вскоре будет нарушен затяжными дождями, после чего придется вновь выезжать в течение нескольких дней подряд. Короче говоря, труд сборщика ягод нерегулярен, и именно поэтому, например, мало кто из работников знает, какой сейчас день недели или число месяца.

В случае если поездке не препятствуют договоренность о «выходном» или ливневые дожди, в промежутке между шестью и восемью утра после наспех приготовленного завтрака сбор-

щики надевают почти всегда влажные из-за плохой вентиляции помещений камуфляжные или защитных цветов костюмы, и экипаж отправляется на поиски ягод. Путь пролегает через трассы, грунтовки, а также извилистые просеки, ведущие к многочисленным лесозаготовительным вырубкам, на которых, как правило, растет и собирается дикорастущая ягода. Дорога может занимать от нескольких десятков минут до нескольких часов в зависимости от того, насколько быстро будет найден участок вырубленного леса с достаточным количеством ягод (сообразно месяцу это может быть морошка, черника, брусника или голубика).

Отыскав подходящее место, экипаж выгружается из автомобиля, и работники с ведрами и комбайнами для сбора ягод расходятся в разные стороны вырубки в поисках наиболее богатых на урожай «пятак». Кто-то быстрее, кто-то медленнее, сборщики наполняют свои емкости «дарами природы». Так продолжается, пока вся ягода на выбранных участках вырубки не будет собрана и у экипажа не возникнет потребность в поиске нового места. В любом случае работники находятся в лесу и по дороге туда в течение почти всего светового дня, который в ягодный сезон постепенно идет на убыль. Рабочий день, длящийся от восьми до двенадцати часов, в каком-то смысле становится нормирован естественным течением светового дня.

Принципиально важно, что рабочий день сборщика может «прошиваться» кратковременными перерывами на отдых и перекуры, пережиданием непогоды и дремотой в машине, перекусами и другими не связанными с непосредственным сбором ягод действиями. «Увлёкся [сбором ягод], устал, но ничего. Лег на мох, уснул где-то минут на тридцать, потом дальше пошел. И так три-четыре ведра набираешь к концу дня», — описывал один работник свой ритм труда. Другой знакомый сборщик в перерывах между сбором ягод в жаркую погоду обычно предпочитал побаловать себя несколькими глотками холодного пива, взятого с собой. Лежа на поваленном дереве и отпивая из горлышка пластиковой бутылки, он вспоминал, как еще несколько месяцев назад работал на складе крупного российского маркетплейса, где двенадцатичасовой рабочий день предполагал лишь два пятнадцатиминутных перекура с возможностью сходить в туалет. В лесу же, по его словам, туалет был, где и когда «захочется», а закуривал он всякий раз, когда количество собранной ягоды увеличивалось на четверть ведра.

Вернувшись в лагерь под вечер, сезонные работники проводят немало времени в очереди на пункте приема дикоросов. Там собранная ягода выгружается из автомобиля, взвешивается,

рассчитывается ее стоимость. У этого процесса есть свое название — «сдача». Деньги переводятся менеджером лагеря на банковские карты сборщиков несколько раз в неделю. «Сдавшись», работники отправляются в близлежащий магазин за продуктами и вслед за тем идут в общежитие. Вплоть до похода в общую душевую, куда под вечер тоже выстраивается очередь, сборщики не снимают с себя рабочую одежду. Приняв горячий душ и переодевшись, они тратят следующую часть вечера на приготовление еды: ужина и в некоторых случаях полевого обеда на грядущий день. В пищу часто идут грибы, собранные «для себя». Некоторые работники едва ли не полностью формируют свой пищевой рацион из собранного в лесу. Другие по вечерам заготавливают варенье, консервируют или сушат грибы, которые высылают домой почтой и иногда даже продают через интернет-платформу «Авито». После ужина кто-то отправляется ко сну, кто-то общается на кухне или в курилке до позднего вечера, порой не забывая употребить стаканчик другой.

Изучая труд сборщиков мусора в Рио-де-Жанейро, Кэтлин Миллар предложила метафору «опыт тканого времени» [Millar 2015b], чтобы описать, как нити различных практик (от распития пива и прослушивания музыки до собственно сбора мусора) в процессе труда образуют «иной ритм жизни», в котором граница между трудом и досугом исчезает. Переплетения «нитей», как видим, есть и в коммерческом собирательстве. Однако это не отменяет существования структуры рабочего дня. Циклы и пространства производства (сбор ягод в лесу) и воспроизводства (сон и прием пищи в лагере) существуют настолько, насколько рабочая одежда сменяется на «домашнюю». Более того, сборщики понимают, что за столько-то часов в лесу они могут собрать столько-то ягод, а значит заработать столько-то денег. Существует, например, «двухчасовое ведро» черники или «часовое» ведро брусники.

В этой связи, если прибегнуть к введенному Эдвардом Томпсоном различению труда, ориентированного на время (*time-orientation*), и труда, ориентированного на выполнение конкретных задач (*task-orientation*) [Thompson 1967], можно сказать, что труд сборщика парадоксальным образом скорее ориентирован на время, чем на задачу. Несмотря на то что доход работников рассчитывается сообразно количеству собранного вне зависимости от затраченного времени, товаром в таких отношениях все равно выступает рабочая сила, а не собранная в лесу ягода. Вкупе с монополией и необходимостью платить аренду, подобная ситуация вполне соответствует взгляду на коммерческое собирательство как наемный труд. Это существенно отличает приезжих сезонных сборщиков в Карелии от информан-

тов-сборщиков Миллар, которые мало зависят от закупщиков вторсырья. Аналогично рассматриваемый случай разнится с коммерческим собирательством грибов мацутаке, который был концептуализирован Анной Цзин как форма предпринимательства [Цзин 2015].

В контексте вопроса о причинах классификационной неопределенности кажется интересным посмотреть на «опыт тканого времени» как на соположенность действий условно свободных и действий необходимых. Мы видим, как перекуры, употребление алкоголя или сон на рабочем месте «сшиваются» с интенсивными физическими нагрузками таким образом, что коммерческий сбор ягод становится непохож на предшествующий трудовой опыт сезонных работников, который почти всегда связан с ритмами городской наемной занятости. Об этом опыте пойдет речь далее.

«Работа» и элементарные формы критики

«А что работа? Сейчас ведь как: сегодня она есть, завтра ее нет. Ну имеешь работу... Хотя кто кого имеет — еще большой вопрос». Эти слова принадлежали Алексею, 32-летнему сборщику. Со своей сестрой Викой он приехал в Карелию из уральского города. Перед тем как начать собирать ягоды за деньги, Алексей и Вика занимались организацией палаточной торговли на улицах. Однако весной 2020 г. санитарные ограничения, введенные в связи с пандемией, вынудили их свернуть дело. После прекращения бизнеса Вика стала оператором в логистической компании. Алексей некоторое время трудился в сервисе по ремонту бытовой техники, затем уволился и перешел на работу в компанию, где работала Вика. Довольно скоро они ушли и с этой работы, о чем, впрочем, особо не жалели.

Описывая период, когда из-за пандемии ему приходилось работать за оклад, Алексей подчеркивал: «Это было единственное время в моей жизни, когда я проработал по найму на кого-то с каким-то нормированным графиком. Ну это ведь крайне тяжело! Почти невозможно!» Идея работы осмыслилась им в терминах обременения и не наделялась позитивной символической ценностью. Прогнозируемо недавняя утрата рабочего места интерпретировалась как освобождение от того, что способно «иметь» человека. Зато коммерческий сбор ягод, где Алексей оказался впервые, получал иную трактовку. В собирательстве не было «походов на работу», но были, например, «вылазки на северо-западное направление», во время которых он вспоминал срочную службу в воздушно-десантных войсках, где сопровождал следующие по трансибирской магистрали поезда с ядерными боеголовками. Кроме того, здесь отсутствовало то, что

Алексей часто называл «обязаловкой». Я обратил внимание, что содержание этого термина он пытался прояснить с помощью образов наемного труда и нормированного графика. Как и уволившийся с завода Сергей, о котором рассказывалось в начале статьи, Алексей нередко обращался к воспоминаниям о мучительных пробуждениях и поездках на работу ранним утром. По его словам, особенно тяжело ранние подъемы давались зимой. Просыпаться было трудно из-за темноты, а холод сковывал тело по дороге на работу.

Характерно, что Алексей вспоминал про «обязаловку» и про то, что в настоящий момент от нее избавлен, в ситуациях, когда дождливым утром, зачастую после выездов в течение нескольких дней подряд мы принимали решение не ехать в лес и оставались в лагере, пролеживая весь день на металлических двухъярусных кроватях с тремя слоями продавленных матрасов. В самостоятельно сделанные «выходные» он мог спать или смотреть фильмы на смартфоне, прерываясь на перекусы и чай. В такие дни, посмотрев очередную часть «Властилина колец» или «Матрицы» и подкрепившись порцией бутербродов со сладким чаем, Алексей любил не без улыбки цитировать советский мультфильм: «Ну вот, поели, теперь можно и поспать. Ну вот, поспали, теперь можно и поесть». Праздность в этом случае не воспринималась им как разовое сбережение себя от усилий, для того чтобы на следующий день вновь погрузиться в мир физического труда, мокнуть под дождем и натирать очередную мозоль резиновыми сапогами, в которых сборщики проводят почти весь рабочий день. Напротив, была важна сама возможность суверенно практиковать безделье, устраивая себе выходной без оглядки на фигуру «начальника» или пресловутый «нормированный график».

Сестра Алексея 36-летняя Вика указывала на явления схожего порядка. «Мне по жизни тяжело быть в каких-либо рамках», — как-то раз ответила она на мой вопрос, почему из всей палитры временной занятости выбрала коммерческое собирательство. «Рамки», на которые указывала Вика, хорошо поддавались осмыслению в контексте сезонных работ, где они отсутствуют. Вика связывала такие «рамки» с наемной занятостью и трактовала идею работы при помощи образа времени найма. Степень и объем того, что Эдвард Томпсон когда-то назвал временной дисциплиной в труде, были обратно пропорциональны удовлетворению от процесса зарабатывания на жизнь. Вот фрагмент интервью с Викторой.

Вот если ты работаешь за оклад, ты должен каждый день приходиться на работу. Это твоя ответственность и одновременно геморрой — прийти на работу ко времени, а потом еще

отсидеть до определенного времени. Пришел в определенное время — ушел в определенное время. Это крайне тяжелый момент. Но здесь [на сезонных работах] все по-другому. Устал — делаешь выходной, запланировал выехать в семь утра — выехал в восемь, а то и в девять! А то и вообще не поехал! Или дождь пошел [и не поехал].

Как мы видим, работа за оклад (становясь тождественной «работе» как таковой) и ее временные ритмы уподобляются досаждающему заболеванию. Такое прочтение «работы» включено в иерархию видов деятельности, приносящих доход. Внизу такой иерархии находятся формы заработка, подразумевающие необходимость, как выразилась Вика, «быть привязанным» к рабочему месту. В свой черед коммерческое собирательство определяется через возможность «делать выходной», т.е. властвовать над ритмами рабочего процесса. Обращаясь к такому контрасту, Вика продолжала:

Переключение головы-то произошло — в режим безответственности. Ну будет ягода и будет. Не будет — и хрен с ней. Я тут ни за что не отвечаю. То есть на тебе обычно лежит какая-то ответственность. А тут нету! Просто нету! Это даже меньше ответственности, чем если ты будешь класть кафель. На мне куча ответственности обычно. Здесь ее просто нет! Ты ни за что не отвечаешь. Просто собираешь ягоду и все. И ни за кого, и ни за что. Вообще никак. Принес, сдал — все, до свидания!

О какой «ответственности» идет речь? Вика и Алексей два раза в неделю отправляли часть денег, совместно заработанных на сдаче ягод, жене и сыну Алексея. Практика денежных переводов относилась к ответственности как заработку для семьи — ответственности, связанной с поддержанием существования и социального бытия близких родственников. Это было особенно актуально ввиду того, что сына Алексея в этом году необходимо было собрать в школу. Вместо этого Вика говорила об «ответственности» как об образе, через который находил выражение опыт подчиненного на рабочем месте¹. Эта «ответственность» носила по преимуществу принудительный характер и состояла в выполнении распоряжений начальства. Одним из таких распоряжений стала вакцинация от коронавируса. Долгое время Вике удавалось избегать прививки, однако в итоге она со скандалом уволилась с работы.

¹ В соответствии с определением Джорджо Агамбена под образом здесь понимается «любая вещь (предмет, произведение искусства, текст, воспоминание или документ), в которой момент прошлого и момент настоящего соединяются в некое созвездие» [Агамбен 2000: 93]. Предшествующий трудовой опыт, его сенсорные и эмоциональные качества, артикулированные в условиях настоящего, а потому и напрямую связанные с настоящим, представляют собой именно такой образ.

Способы концептуализации «работы» на этом не исчерпываются. Рассуждения сезонных работников о предпочтительных способах зарабатывать зачастую подразумевали не только апелляцию к (не)желательным формам переживания рабочего времени, но и размышления, относящиеся к сенсорному восприятию окружающей среды и собственного тела или тому, что можно назвать сенсорным измерением труда.

Иван, сборщик в возрасте около 50 лет, приехавший в Карелию из Краснодарского края, также любил подчеркивать, что «выходной» день — это тот день, который он сам установит как «выходной». Однако размышления над хронопорядком труда переплетались у него с суждениями о сенсорном переживании способов зарабатывания на жизнь. Не куривший, но любивший постоять в курилке общежития, то и дело привлекая к беседе проходящих мимо соседей, Иван в ходе завязавшегося диалога объяснил мне: «Это работа-отдых для меня, я вообще кайфую. Работа-отдых! Так-то я на стройке обычно, фасадчик. Там скакать по жаре что ли [целый день]? К вечеру ты вообще — дрова! Или здесь: я прихожу, ни усталости, ничего, вообще кайфую. Мне вот эта погода — вообще кайф!» Продолжая нахваливать северный климат, Иван указывал пальцем на свою армейскую камуфляжную куртку из плотного хлопка и утверждал, что в Карелии он может одеваться в «качественные вещи». В то время как многие оставались в лагере из-за непогоды, Иван с товарищем отправлялись на поиски ягод. Они объясняли это тем, что здесь, в Карелии, нет «проклятой жары». Напротив, в начале августа, когда в середине дня еще могло быть жарко, Иван предпочитал собирать ягоды лишь до полудня или вовсе оставаться в лагере.

Перцептивный опыт в описанном случае становился средством создания сенсорной географии контрастов. Места, таким образом, определялись через сенсорное переживание трудовых практик, и наоборот, труд получал трактовку благодаря локализованному сенсорному опыту. Так, в истории Ивана отделка фасадов на жаре на юге России понималась как «работа», тогда как сбор ягод в холодной тайге в условиях сдельного труда в Карелии не мог быть определен столь же уверенно. Совокупность ощущений в труде становилась основой для вынесения оценочных суждений о том, где истончается «работа» и начинается «кайф».

Коммерческое собирательство, однако, могло быть более или менее однозначно осмыслено как «работа». Об этом мне сообщил Владимир, приехавший в Карелию с Урала, в прошлом разнорабочий-строитель, а на тот момент сборщик, пытавшийся накопить деньги на открытие собственного бизнеса и по-

купку жилья в ипотеку. Он замечал: «Энтузиазм пропадает, и это все воспринимается как работа, нужно выгрызть норму». В тот жаркий августовский день мы с Владимиром в поисках ягод прошли больше двадцати километров, и к обеду каждый из нас собрал по половине ведра черники. Пробыв на сезонных работах уже несколько недель, мы понимали, что цена половины ведра — одна тысяча рублей и ее хватит лишь на то, чтобы «отбить» арендные платежи. Допивая вторую полуторалитровую бутылку воды и сетуя на боль в коленях, Владимир говорил, что то, как прошел сегодняшний день, не должно повториться никогда.

Боль в ногах и насквозь сырая от пота одежда будто бы подсказывали Владимиру, какое слово следует выбрать, чтобы описать то, во что в течение дня превращалась его деятельность. Он полагал, что если ягод попадалось много и он их просто «греб», не отходя далеко от машины и ловко уподобляя килограммы собранного четырехзначным суммам, это был «энтузиазм». Однако если ягода на вырубке заканчивалась или ее было мало, а с неба шел сильный холодный дождь или палило солнце, то начинались «работа», в ходе которой необходимо проходить по несколько десятков километров в поисках дикоросов и наклоняться за каждой отдельной ягодой, а также «выгрызание нормы», достаточной, чтобы покрыть арендные платы и купить продукты в магазине.

Способы переживания способа производства

Что же такое «работа» с точки зрения людей, которые из всех видов временной занятости предпочли сбор дикорастущих ягод? В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс отмечал: «Если деятельность рабочего для него самого является мукой, то кому-то другому она должна доставлять наслаждение и жизнерадостность» [Маркс 1956: 568]. Это утверждение вполне справедливо и в отношении того, как сборщики интерпретируют «работу». С тем лишь фундаментальным отличием, что работа понимается ими как «мука» не на уровне объективных производственных отношений, где отчужденный труд пролетария инвертируется в наслаждение буржуа, а в рамках субъективного модуса восприятия, организованного иерархией образцов трудовых отношений, рабочего времени и их локусов. Так, «мука», т.е. структурная необходимость зарабатывать на жизнь, становится овеществлена посредством ненавистных по-недельников, утреннего мороза или жары¹.

¹ На примере Замбии Джеймс Фергюсон показывает, как аналогичным образом неолиберальная политика структурной перестройки может трактоваться в терминах морали [Ferguson 2006: 69–88].

Попробую представить одно из возможных объяснений того, почему сезонные сборщики по большей части отказываются от коммерческому собирательству в статусе «работы». Можно предположить, что причиной выступает противопоставление «работы» другим видам заработка на основании иерархии переживаний трудовых отношений из прошлого и настоящего. Определение «работы» в таком случае почти всегда оказывается связано с аффективно насыщенными и эмоционально окрашенными образами: недосыпание, дорога в жару и холод, скандалы, боль. Такие образы чаще всего негативные и соотносятся с конкретной конфигурацией труда, а именно с наемным трудом, «наймом», «работой за оклад», «работой с нормированным графиком»¹. На этом основании способы заработка, подразумевающие относительную «темпоральную автономию» [Корсани 2015] работника в хронопорядке труда, а значит и соответствующую композицию ощущений, не воспринимаются как «работа». Иными словами, чем больше допустимых и желательных переживаний вызывает у человека способ зарабатывать на жизнь, тем меньше вероятность, что он станет называть его работой и идентифицировать себя с работником. Сразу же оговорюсь, что подобная операция не является исчерпывающим способом толкования экономических категорий. Тем не менее в репертуаре эмоциональных трактовок капиталистических отношений такая интерпретативная техника занимает, на мой взгляд, значимое место.

В этом случае уместно предположить, что логика вернакулярной теоретизации трудовых отношений связана с тем, что может быть названо способами переживания способа производства. Модальности переживания производящей деятельности индуцируют образный комментарий (подчас весьма критический) к характеру экономических отношений. Если под способом производства можно понимать исторически специфический процесс создания людей, вещей и отношений [Graeber 2006: 71], то способы переживания способа производства относятся к данности субъектно-центрированного опыта проживания этого процесса. Важно, что объективный порядок способа производства артикулируется благодаря локально позиционированным способам переживания лишь в редуцированном виде. Иными

¹ Ответ на вопрос, почему одни формы переживания трудовых отношений опознаются как негативные, а другие как позитивные, не входит в задачи статьи. Упомяну лишь, что Дэвид Паркин, изучая принципы категоризации работы в контексте пролетаризации в Кении, в универсалистском ключе рассуждал о внеисторической оппозиции между производительными действиями, которые предполагают контроль над собственной судьбой и судьбой своего социального окружения и теми видами производительной деятельности, которые не предполагают контроля. Закономерно контролируемая деятельность классифицируется как «хорошая», а неконтролируемая как «плохая» [Parkin 1979: 317].

словами, речь идет о разновидности феноменологического фетишизма, в котором целостность экономических отношений явлена посредством, как мог бы выразиться Пьер Бурдьё, «истин первичного опыта» [Bourdieu 1977: 3]. В итоге коммерческий сбор ягод и «работа» (на стройке, в офисе или мастерской), будучи частью одного и того же процесса циркуляции товара «рабочая сила» на рынке труда, могли быть пережиты и противопоставлены друг другу в качестве альтернатив. Нечто похожее происходит и с категорией «отдыха».

О так называемом отдыхе

Лена приехала собирать ягоды в Карелию из Москвы, после того как уволилась с работы. Ей были необходимы деньги, но вновь возвращаться на низкооплачиваемое рабочее место в офисе она не хотела. После нескольких недель поисков нового источника дохода ее выбор пал на коммерческий сбор дикоросов в Карелии. Причин тому было несколько: обещанные компанией деньги, всего сутки езды на поезде от Москвы, наконец, возможность длительное время находиться вне большого города.

За месяц заработать обещанную предприятием сумму Лене так и не удалось. По ее словам, это вызывало «смешанные чувства». Лена была недовольна низкими закупочными ценами на ягоды и ежедневными вычетами арендных плат при отсутствии ожидаемого дохода. Одновременно с этим она суммировала опыт сезонного заработка, противопоставляя сезонный труд не только «работе», но и «отдыху на юге».

Вернувшись из леса и готовя на электрической плитке ужин из грибов и гречневой каши, Лена вспоминала об «отдыхе в Турции или Египте». Такой «отдых», по ее мнению, состоял из сочетания трех видов малосимпатичной ей деятельности: лежания на солнце, купания в море, а также ничем неограниченного потребления еды и выпивки. На «отдыхе», маршрутизированном пляжем и отелем, она распознавала себя как пассивную. Напротив, о коммерческом собирательстве Лена говорила, перебирая «новые впечатления» или то, что она называла «новым опытом». Всего лишь за месяц познакомилась с множеством людей, научилась ориентироваться в лесу, похудела на несколько килограммов, «почти бесплатно» побывала в регионе с репутацией туристического, питалась лесной ягодой и даже, кажется, видела медведя. Лена так и не заработала того, на что рассчитывала, но зато, по ее словам, почувствовала себя совершенно по-другому. О своей поездке в Карелию она даже намеревалась написать рассказ. Воображаемая экономика впечатлений, в которой Лена занимала активную роль, окутывала и в конечном

счете делала малозаметную материальную экономику труда и его вознаграждения. Коммерческий сбор в оболочке «нового опыта» ускользал из поля доступных определений. Ни «работой», ни «отдыхом» Лена назвать свою поездку не могла.

Как и Лена, категорию «отдыха» Алексей трактовал посредством воспоминаний о поездке на морской курорт. «Сюда [на сбор ягод] нужно приезжать всей семьей. А то это море задолбало, лежишь там как идиот, ничего не делаешь!» — рассуждал он, сидя за рулем «буханки» и прикидывая, сколько тысяч ему удастся заработать сегодня. Коммерческое собирательство по-прежнему осмыслялось им на контрасте, но на этот раз не с «работой», а с другой модальностью жизни, требующей зарабатывать, — «отдыхом».

О каком «отдыхе» идет речь? Как-то раз за полевым обедом Алексей вступил в спор с другим нашим напарником по экипажу, любителем треккингвого туризма. Предметом спора стали походы выходного дня. Алексей не понимал, что это за «отдых» — проходить несколько десятков километров в день с тяжелым рюкзаком за спиной, спать в палатке, есть походную еду. «На хрена ты туда [в походы] ходишь? 70 километров! На хрена? Ты ведь после этих выходных в понедельник идешь на работу, а там [в походе] ни хрена не отдыхаешь!» — с возмущением вопрошал Алексей, поясняя, что выходные он с супругой и ребенком обычно проводит дома или в торговом центре. Фигура «отдыха» в таком случае оказывалась тождественна отсутствию каких-либо физических усилий и производительных действий. С точки зрения Алексея, содержание «отдыха» состояло в том, чтобы как можно более эффективно подготовиться к грядущему рабочему дню, неделе или месяцу, даже если этот процесс сопровождался ощущением себя обездвиженным «идиотом» на пляже или посетителем молла.

Показательно, что между «отдыхом» и «работой» возникал контраст, однако ценностно-иерархические отношения не устанавливались, поскольку обе ситуации оценивались негативно. Так происходило как минимум по двум причинам. Во-первых, оба вида деятельности были по сути своей императивны и навязаны извне (в отличие, например, от самостоятельно устанавливаемых «выходных» в сезонном собирательстве). В «работе» были, как мы помним, «обязаловка» и работодатель, в «отдыхе» не оставалось ничего, кроме пляжного безделья длиной в неделю или походов в торговый центр в выходные дни. Во-вторых, тяжелые пробуждения зимним утром будто бы происходили ради лежания на пляже или посещения фудкортов, и наоборот. «Обязаловка», таким образом, должна была рано или поздно смениться «идиотизмом». В результате дозволенное оберегание себя от

усилий в специализированных пространствах досуговых индустрий становилось обратной стороной временной дисциплины наемного труда. «Отдых» был зеркальным отражением «работы».

В порядке заключения: кое-что о дезертирстве

Согласно политическому философу Паоло Вирно, оппортунизм и дезертирство позволяют выживать в условиях частой смены работы, «гибкости» и мобильности рабочей силы [Вирно 2013: 85]. В каком-то смысле сезонным сборщикам близка фигура дезертира: они используют подвораживающиеся возможности заработка и увиливают от «работы». Так, направлением «исхода» [Хардт, Негри 2004: 199–206] для некоторых российских работников стали характерные для неолиберальных экономик пространства, где в силу относительной автономии в процессе организации труда нет ни «геморроя» и «ответственности» работы, ни «идиотизма» отдыха, но есть «новый опыт», ежедневный заработок, напрямую зависящий от собственных усилий, а также соблазнительная возможность самому нормировать труд и регулировать время. В таких местах дуализмы труда и работы «снимаются». Не исчезая вовсе, императив зарабатывания на жизнь посредством продажи собственной рабочей силы способен переживаться иначе.

Ситуация классификационной неопределенности представлялась предпочтительной для людей, которые по тем или иным причинам критически настроены по отношению к «системе», налогам и государственной медицине. Здесь не место описывать картину мира сезонных рабочих, во многом связанную с критикой дисциплинарных институтов позднемодерного государства. Отмечу лишь, что свидетельства о вакцинации от коронавируса при приезде в лагерь были необязательны, что в ту пору для многих моих собеседников стало очевидным преимуществом в вопросе поиска заработка. В этом отношении неприязнь к дуализму труда и досуга была частью более общего нонконформизма городских жителей, нередко старающихся разглядеть свое будущее вне рынка наемного труда. Собственно воспоминания об опыте наемной занятости становились инструментом, посредством которого осуществляется навигация в мире, где все еще необходимо зарабатывать на жизнь. В итоге желанный способ заработка должен был исключать образы и ощущения «работы», а также санкционированную праздность «отдыха».

Осторожность, а в некоторых случаях и неприязнь в отношении ритмов стандартной наемной занятости не только вынуждали моих собеседников искать альтернативные источники дохода, попутно выступая дешевой гибкой рабочей силой. Продуцируя воображаемые контрасты в комнате съемного общежития,

в салоне арендованного «уазика» или посреди леса, сезонные работники превращали коммерческое собирательство в пространство, где якобы освобожденное тело наслаждалось дозволенным сном, а бунтующая мысль рождала мечты о том, каким не должен быть человеческий труд.

Анна Цзин заметила, что для ниш современных товарных цепочек (вслед за энтузиастами глобального бизнеса Цзин называет их «цепочками поставок») характерна как дерегуляция производства, так и сверхэксплуатация рабочей силы, которая зависит не столько от захвата и контроля способности к труду в течение определенного количества времени, сколько от артикуляции так называемых неэкономических характеристик рабочих: гендера, расы, этнической принадлежности, религии, сексуальности, возраста и гражданства [Tsing 2009: 158]. Коммерческий сбор ягод притягивает работников не только в силу необходимости заработать. В нише товарной цепочки отчуждение труда начинается со сверхэксплуатации желания избежать расслоения жизни на сферы труда и досуга. Нонконформизм превращается в своеобразный «дресс-код» [Погребняк 2019: 160] сверхэксплуатации. Это вполне предсказуемо с учетом того, что идеологический дизайн такого рода рабочих мест всегда подразумевает нечто большее, чем просто «работа» [Tsing 2009: 159]. Он предоставляет возможность вести борьбу с эффектами отчуждения отчужденными же средствами.

Благодарности

Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 22-18-00238 «Земля храбрых»: преодоление неопределенности при взаимодействии с физической и социальной средой в российской Арктике»). За внимательное чтение этого текста, обсуждение и комментарии я бы хотел поблагодарить коллег из Европейского университета.

Источники

Foraging at the Edge of Capitalism // CORDIS EU Research Results. [2022]. <<https://cordis.europa.eu/project/id/101001792>>.

Библиография

- Агамбен Д. Скрытый подтекст тезисов Беньямина «О понятии истории» (из книги «Оставшееся время: комментарий к “Посланию к римлянам”») // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 91–96.
- Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / Пер. с ит. А. Петровой под ред. А. Пензина. М.: Ad Marginem Press, 2013. 176 с.
- Коновалов И. Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 193–224. doi: 10.31119/jssa.2019.22.1.9.

- Корсани А.* Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени / Пер. с фр. В. Гавриленко // *Логос*. 2015. Т. 25. № 3. С. 51–71.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517–641.
- Павлов Р., Баринов Д.* Сверхэксплуатация труда в России // Баринов Д., Павлов Р. (сост., ред.). Зависимое развитие и сверхэксплуатация труда: Сб. статей. СПб.: Лема, 2023. С. 45–138.
- Погребняк А.* Дефетишизировать свободное время: от акрасии к профанации // *Логос*. 2019. Т. 29. № 1. С. 159–188.
- Хардт М., Негри А.* Империя / Пер. с англ. под общ. ред. Г.В. Каменской. М.: Праксис, 2004. 440 с.
- Хумарян Д., Жихаревич Д., Коновалов И.* К новым исследованиям труда: вместо предисловия // *Социология власти*. 2020. Т. 32. № 1. С. 8–29. doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-8-29.
- Цзин А.Л.* Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem Press, 2017. 376 с.
- Alexander C., Sanchez A.* Introduction. The Values of Indeterminacy // Alexander C., Sanchez A. (eds.). *Indeterminacy: Waste, Value, and the Imagination*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2019. P. 1–30. doi: 10.1515/9781789200102-002.
- Bernstein H.* *Class Dynamics of Agrarian Change*. Halifax; Sterling, VA: Fernwood Publishing; Kumarian Press, 2010. XII+142 p.
- Berthomé F., Bonhomme J., Delaplace G.* Preface: Cultivating Uncertainty // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2012. Vol. 2. No. 2. P. 129–137. doi: 10.14318/hau2.2.008.
- Bourdieu P.* *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. VIII+248 p.
- Burawoy M., Verdery K.* Introduction // Burawoy M., Verdery K. (eds.). *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999. P. 1–18.
- Campbell S.* Labor and Merchant Capitalism in Myanmar and Thailand // Kasmir S., Gill L. (eds.). *The Routledge Handbook of the Anthropology of Labor*. L.; N.Y.: Routledge, 2022. P. 44–54. doi: 10.4324/9781003158448-5.
- Comaroff J., Comaroff J.* The Madman and the Migrant: Work and Labor in the Historical Consciousness of a South African People // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14. No. 2. P. 191–209.
- Comaroff J., Comaroff J.* After Labor // *Critical Historical Studies*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 87–112.
- Cooper E., Pratten D.* Ethnographies of Uncertainty in Africa: An Introduction // Cooper E., Pratten D. (eds.). *Ethnographies of Uncertainty in Africa*. L.: Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–16. doi: 10.1057/9781137350831_1.
- Ferguson J.* *Global Shadows: Africa in the Neoliberal World Order*. Durham, NC: Duke University Press, 2006. X+257 p. doi: 10.1215/9780822387640.
- Ferguson J., Li T.M.* *Beyond the “Proper Job”: Political-Economic Analysis after the Century of Labouring Man*. Cape Town: University of the

- Western Cape Press, 2018. 22 p. (The PLAAS Working Paper. No. 51).
<https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/89444/1/Beyond%20the%20%E2%80%9CProper_TSpace.pdf>.
- Glennie P., Thrift N.* Reworking E. Thompson's "Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism" // *Time & Society*. 1996. Vol. 5. No. 3. P. 275–299. doi: 10.1177/0961463X96005003001.
- Graeber D.* Turning Modes of Production Inside Out: Or, Why Capitalism is a Transformation of Slavery // *Critique of Anthropology*. 2006. Vol. 26. No. 1. P. 61–85. doi: 10.1177/0308275X06061484.
- Graeber D.* Consumption // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 489–511. doi: 10.1086/660166.
- Hann C.* Introduction: Work and Ethics in Anthropology // *Hann C. (ed.). Work and Ethics in Anthropology: Chimeras of Freedom in the Neoliberal Era*. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2021. P. 1–25. doi: 10.1515/9781800732261-002.
- Harris O.* What Makes People Work? // *Astuti R., Parry J.P., Stafford C. (eds.). Questions of Anthropology*. L.: Routledge, 2007. P. 137–165.
- Harriss-White B.* Labour and Petty Production // *Development and Change*. 2014. Vol. 45. No. 5. P. 981–1000. doi: 10.1111/dech.12124.
- Ingold T.* Work, Time and Industry // *Time & Society*. 1995. Vol. 4. No. 1. P. 5–28. doi: 10.1177/0961463X95004001001.
- Li T.M.* Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier. Durham, NC: Duke University Press, 2014. 240 p.
- Millar K.M.* Introduction: Reading Twenty-First-Century Capitalism through the Lens of E.P. Thompson // *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology*. 2015a. No. 73. P. 3–11. doi: 10.3167/fcl.2015.730101.
- Millar K.M.* The Tempo of Wageless Work: E.P. Thompson's Time-Sense at the Edges of Rio de Janeiro // *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology*. 2015b. No. 73. P. 28–40. doi: 10.3167/fcl.2015.730103.
- Narotzky S.* Rethinking the Concept of Labour // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2018. Vol. 24. No. 1. P. 29–43 (1–15). doi: 10.1111/1467-9655.12797.
- Parkin D.* The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya // *Wallman S. (ed.). Social Anthropology of Work*. L.: Academic Press, 1979. P. 317–336.
- Robbins J., Rumsey A.* Introduction: Cultural and Linguistic Anthropology and the Opacity of Other Minds // *Anthropological Quarterly*. 2008. Vol. 81. No. 2. P. 407–420. doi: 10.1353/anq.0.0005.
- Thompson E.P.* Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism // *Past & Present*. 1967. Vol. 38. No. 1. P. 56–97. doi: 10.1093/past/38.1.56.
- Tsing A.* Supply Chains and the Human Condition // *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*. 2009. Vol. 21. No. 2. P. 148–176. doi: 10.1080/08935690902743088.
- Tucker J.L.* Affect and the Dialectics of Uncertainty: Governing a Paraguayan Frontier Town // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2017. Vol. 35. No. 4. P. 733–751. doi: 10.1177/0263775816680821.
- Wolf E.R.* Europe and the People without History. Berkeley, CA: University of California Press, 1982. XXVII+503 p.

Beyond “Rabota” and “Otdykh”: Indeterminacy in the Wild Berry Industry in Karelia

Stepan Petryakov

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
spetryakov@eu.spb.ru

How do contemporary Russian workers, caught up in the mechanisms of the seasonal labor market, conceptualize work and leisure? Fieldwork among seasonal berry pickers in Karelia shows how commercial picking, through which some Russians make a living, escapes from the field of definitions available to them: “rabota” as employment and “otdykh” as time free from employment. The article attempts to find out what causes such classificational indeterminacy. The author shows how these causes are not only to be found in the specific organization of seasonal labor relations, but also the opposition of commercial picking to “rabota” and “otdykh” on the basis of the hierarchy of experiences of labor relations from the past and present. In such a case, the definition of “rabota” and “otdykh” is almost always defined through images of wage labor. Such images are linked in this article to what might be called a mode of perception of the mode of production. The author concludes that the dichotomy of “rabota” and “otdykh” becomes an instrument of vernacular critique through which workers navigate the labor market.

Keywords: anthropology of labor, indeterminacy, work and leisure, seasonal labor, commercial picking, Karelia.

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation — research project no. 22-18-00238 <<https://rscf.ru/project/22-18-00238/>>. I would like to thank my colleagues from the European University for their attentive reading, discussion and commentary on this text.

References

- Agamben G., ‘Soglia o “tomada”’, Agamben G., *Il tempo che resta: Un commento alia “Lettera ai Romani”*. Torino: Bollati Boringhieri, 2000, pp. 128–135.
- Alexander C., Sanchez A., ‘Introduction. The Values of Indeterminacy’, Alexander C., Sanchez A. (eds.), *Indeterminacy: Waste, Value, and the Imagination*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2019, pp. 1–30. doi: 10.1515/9781789200102-002.
- Bernstein H., *Class Dynamics of Agrarian Change*. Halifax; Sterling, VA: Fernwood Publishing; Kumarian Press, 2010, XII+142 pp.

- Berthomé F., Bonhomme J., Delaplace G., 'Preface: Cultivating Uncertainty', *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 129–137. doi: 10.14318/hau2.2.008.
- Bourdieu P., *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977, VIII+248 pp.
- Burawoy M., Verdery K., 'Introduction', Burawoy M., Verdery K. (eds.), *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 1999, pp. 1–18.
- Campbell S., 'Labor and Merchant Capitalism in Myanmar and Thailand', Kasmir S., Gill L. (eds.), *The Routledge Handbook of the Anthropology of Labor*. London; New York: Routledge, 2022, pp. 44–54. doi: 10.4324/9781003158448-5.
- Comaroff J., Comaroff J., 'The Madman and the Migrant: Work and Labor in the Historical Consciousness of a South African People', *American Ethnologist*, 1987, vol. 14, no. 2, pp. 191–209.
- Comaroff J., Comaroff J., 'After Labor', *Critical Historical Studies*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 87–112.
- Cooper E., Pratten D., 'Ethnographies of Uncertainty in Africa: An Introduction', Cooper E., Pratten D. (eds.), *Ethnographies of Uncertainty in Africa*. London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 1–16. doi: 10.1057/9781137350831_1.
- Corsani A., 'Transformatsii truda i ego temporalnostey. Khronologicheskaya dezorientatsiya i kolonizatsiya nerabocheho vremeni' [Transformations of Labor and Its Temporalities. Chronological Disorientation and Colonization of Non-Working Time], transl. from French by V. Gavrilenko, *Logos*, 2015, vol. 25, no. 3, pp. 51–71. (In Russian).
- Ferguson J., *Global Shadows: Africa in the Neoliberal World Order*. Durham, NC: Duke University Press, 2006, X+257 pp. doi: 10.1215/9780822387640.
- Ferguson J., Li T. M., *Beyond the "Proper Job": Political-Economic Analysis after the Century of Labouring Man*. Cape Town: University of the Western Cape Press, 2018. 22 p. (The PLAAS Working Paper. No. 51). <https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/89444/1/Beyond%20the%20%E2%80%9CProper_TSpace.pdf>.
- Glennie P., Thrift N., 'Reworking E. Thompson's "Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism"', *Time & Society*, 1996, vol. 5, no. 3, pp. 275–299. doi: 10.1177/0961463X96005003001.
- Graeber D., 'Turning Modes of Production Inside Out: Or, Why Capitalism Is a Transformation of Slavery', *Critique of Anthropology*, 2006, vol. 26, no. 1, pp. 61–85. doi: 10.1177/0308275X060061484.
- Graeber D., 'Consumption', *Current Anthropology*, 2011, vol. 52, no. 4, pp. 489–511. doi: 10.1086/660166.
- Hann C., 'Introduction: Work and Ethics in Anthropology', Hann C. (ed.), *Work and Ethics in Anthropology: Chimeras of Freedom in the Neoliberal Era*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2021, pp. 1–25. doi: 10.1515/9781800732261-002.
- Hardt M., Negri A., *Empire*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2000, XVII+478 pp.

- Harris O., 'What Makes People Work?', Astuti R., Parry J. P., Stafford C. (eds.), *Questions of Anthropology*. London: Routledge, 2007, pp. 137–165.
- Harriss-White B., 'Labour and Petty Production', *Development and Change*, 2014, vol. 45, no. 5, pp. 981–1000. doi: 10.1111/dech.12124.
- Ingold T., 'Work, Time and Industry', *Time & Society*, 1995, vol. 4, no. 1, pp. 5–28. doi: 10.1177/0961463X95004001001.
- Khumaryan D. G., Zhikharevich D. M., Konovalov I. A., 'K novym issledovaniyam truda: vmesto predisloviya' [Towards New Studies of Labor: Instead of an Introduction], *Sotsiologiya vlasti*, 2020, vol. 32, no. 1. pp. 8–29. doi: 10.22394/2074-0492-2020-1-8-29. (In Russian).
- Konovalov I., 'Rozhdenie vremeni dlya truda: retseptsiya raboty Edvarda Tompsona o vozniknovenii kapitalisticheskogo temporalnogo soznaniya' [Time for Labour and Its Origins: E. P. Thompson on the Temporality of Industrial Capitalism], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2019, vol. 22, no. 1, pp. 193–224. doi: 10.31119/jssa.2019.22.1.9. (In Russian).
- Li T. M., *Land's End: Capitalist Relations on an Indigenous Frontier*. Durham, NC: Duke University Press, 2014, 240 pp.
- Marx K., *Ökonomisch-philosophische Manuskripte: Geschrieben von April bis August 1844*, Einleitung und Anmerkungen von Joachim Höppner. Leipzig: Reclam, 1970, 348 SS.
- Millar K. M., 'Introduction: Reading Twenty-First-Century Capitalism through the Lens of E. P. Thompson', *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology*, 2015, no. 73, pp. 3–11. doi: 10.3167/fcl.2015.730101.
- Millar K. M., 'The Tempo of Wageless Work: E. P. Thompson's Time-Sense at the Edges of Rio de Janeiro', *Focaal: Journal of Global and Historical Anthropology*, 2015, no. 73, pp. 28–40. doi: 10.3167/fcl.2015.730103.
- Narotzky S., 'Rethinking the Concept of Labour', *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 29–43. doi: 10.1111/1467-9655.12797.
- Parkin D., 'The Categorization of Work: Cases from Coastal Kenya', Wallman S. (ed.), *Social Anthropology of Work*. London: Academic Press, 1979, pp. 317–336.
- Pavlov R., Barinov D., 'Sverkhkhekspluatatsiya truda v Rossii' [Overexploitation of Labor in Russia], Barinov D., Pavlov R. (comps., eds.), *Zavisimoe razvitie i sverkhkhekspluatatsiya truda* [Dependent Development and Overexploitation of Labor]: A coll. of articles. St Petersburg: Lema, 2023, pp. 45–138. (In Russian).
- Pogrebnyak A., 'Defetishizirovat svobodnoe vremya: ot akrasii k profanatsii' [Defetishizing Free Time: From Akrasia to Profanation], *Logos*, 2019, vol. 29, no. 1, pp. 159–188. (In Russian).
- Robbins J., Rumsey A., 'Introduction: Cultural and Linguistic Anthropology and the Opacity of Other Minds', *Anthropological Quarterly*, 2008, vol. 81, no. 2, pp. 407–420. doi: 10.1353/anq.0.0005.
- Thompson E. P., 'Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism', *Past & Present*, 1967, vol. 38, no. 1, pp. 56–97. doi: 10.1093/past/38.1.56.
- Tsing A., 'Supply Chains and the Human Condition', *Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society*, 2009, vol. 21, no. 2, pp. 148–176. doi: 10.1080/08935690902743088.

- Tsing A. L., *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2015, XIII+332 pp.
- Tucker J. L., 'Affect and the Dialectics of Uncertainty: Governing a Paraguayan Frontier Town', *Environment and Planning D: Society and Space*, 2017, vol. 35, no. 4, pp. 733–751. doi: 10.1177/0263775816680821.
- Virno P., *Grammatica della moltitudine: Per un'analisi delle forme di vita contemporanee*. Roma: DeriveApprodi, 2002, 132 p.
- Wolf E. R., *Europe and the People without History*. Berkeley, CA: University of California Press, 1982, XXVII+503 pp.